

носясь почтительно, вождам посылая богатые дары, не налагая никаких новых поборов и вообще улучшая условия подчинения, истощенную столь многими неудачными сражениями Галлию легко удерживал в мире». (Caes. B. G. VIII. 49). Сходство политики Цезаря и Антония несомненно.

Конечно, нельзя сказать, чтобы кто-нибудь из них отказался от традиционного взгляда на провинции как на «поместья римского народа»; но Цезарь, видимо, понимал, как важно иметь в провинциях опорные пункты не только военного, но и политического значения<sup>30</sup>, и Антоний, входя в его окружение, перенял этот опыт и использовал в своей деятельности на Востоке.

Политика Антония, родственная *Clementia Caesaris*, с блеском себя оправдала. Оценивая политические результаты 42—41 гг., приходится признать, что стоявшие перед ним административные, военные и финансовые задачи были решены довольно успешно; при этом не имеет большого значения, принадлежала ли при их решении главная роль самому Антонию или экспертам его штаба (как считает Г. Бенгтсон)<sup>31</sup> — последние, разумеется, не могли действовать вопреки воле своего командующего, и в любом случае общее направление их деятельности определял он сам. Политика, проводимая Антонием на Востоке в 42—41 гг., показывает, что несмотря на бурный темперамент и все странности причудливого характера, он обладал качествами незаурядного политика, которые и позволили ему в течение десяти лет вести борьбу за верховное господство над римским миром.

В. Н. ПАРФЕНОВ

### К оценке военных реформ Августа<sup>1</sup>

Достаточно давно и справедливо считается, что военные реформы Августа завершили процесс формирования постоян-

---

<sup>30</sup> Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 219.

<sup>31</sup> Bengtson H. Op. cit. S. 158.

<sup>1</sup> Статья представляет собой переработанный и расширенный вариант доклада, прочитанного на X Всесоюзной авторско-читательской конференции ВДИ АН СССР в 1987 г.

ной армии в Риме<sup>2</sup>. Однако порой это понимается так, будто именно Август создал профессиональную римскую армию чуть ли не *ab ovo*<sup>3</sup>. В действительности же резкой грани между армией Республики и вооруженными силами Империи не было: военная организация раннего принципата в главных своих чертах фактически сложилась уже в период второго триумvirата<sup>4</sup>.

Основу вооруженных сил императорского Рима, как показано в недавно вышедшем исследовании Л. Кеппи, составили легионы Юлия Цезаря<sup>5</sup>. Разумеется, это не было случайностью: и здесь Октавиан стремился доказать, что именно он является подлинным политическим наследником «божественного Юлия». Принцип неуклонно выдерживался даже в тех случаях, когда бывшие легионы Цезаря оказывались под началом врагов и соперников Октавиана<sup>6</sup>. Логическим продолжением этой политической линии было наделение землей после завершения гражданских войн всех без исключения отставных легионеров, в том числе бывших солдат Брута и Кассия, Лепида и Антония (правда, воины Брута, Кассия и Лепида, в отличие от

---

<sup>2</sup> «Август завершил дело превращения римских вооруженных сил в постоянную регулярную армию» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 14. С. 24). Интересные мысли о военных реформах Августа были высказаны Р. Смитом и В. Шмитхеннером, с мнением которых согласился С. Л. Утченко (Smith R. E. *Service in the Post-Marian Roman Army*. Manchester, 1958. P. 70 ff. Schmitthenner W. *Politik und Armee in der späten Römischen Republik* // *NZ*. 1969. Bd. 190. S. 1—17. Утченко С. Л. *Древний Рим. События. Люди. Идеи*. М., 1969. С. 212).

<sup>3</sup> См.: Егоров А. Б. *Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата*. Л., 1985. С. 118.

<sup>4</sup> Уже Р. Смит отметил, что Август оформил постоянную армию *de jure*, тогда как до него она существовала *de facto* (Smith R. E. *Op. cit.* P. 72). В годы второго триумvirата отчетливо прослеживается тенденция «по возможности сохранять постоянство военной организации», т. е. не набирать новые легионы и не распускать существующие (Hahn I. *Die Legionsorganisation des zweiten Triumvirats* // *AAnt*. 1969. Vol. 17. Fasc. 1—2. S. 220).

<sup>5</sup> Keppie L. *The making of the Roman army. From Republic to Empire*. Totowa (N. J.), 1984. P. 132 ff., 142 f.

<sup>6</sup> Минимум шесть легионов времени Августа были взяты им из армий Лепида и Антония (Hardy E. G. *Augustus and his legionaries* // *CQ*. 1920. Vol. 14. P. 188. Ср.: Jones A. H. M. *Augustus*. London, 1970. P. 110 f). В. Гардтхаузен наивно полагал, что предпочтение, которое Август отдавал легионам Цезаря, объяснялось «любовью к историческим воспоминаниям», хотя и «противоречило его трезвому практицизму» (Gardthausen V. *Augustus und seine Zeit*. Leipzig, 1896. Tf. I. Bd. 2. S. 629 f.).

антонианцев, некоторое время прослужили под знаменами Октавиана) <sup>7</sup>.

Годы второго триумvirата сыграли важную роль и в формировании императорской гвардии. В 23 г. н. э. она насчитывала повет *praetoriae cohortes* (Тас. Апп. IV. 5. 3). Нет оснований сомневаться в том, что и в начале принципата Августа насчитывалось девять преторианских когорт, однако неясно, почему было определено именно такое их количество. Как предположил М. Дюрри, Август якобы опасался, что десять когорт будут подозрительно напоминать полный легион, тогда как пребывание регулярных войск в Риме не допускалось традицией; он предпочел «счастлирое» число, кратное трем, почему и городских когорт учредил три: «Le rapport entre ces deux nombres, neuf et trois, symbolise arithmétiquelement la politique d' Auguste...» <sup>8</sup>. Нетрудно заметить, что это внешне остроумное объяснение слишком легковесно: едва ли подобное жонглирование числами могло серьезно повлиять на решение императора. Столь же произвольным мнение Ю. А. Ушакова, который вслед за С. И. Ковалевым считает, что, коль скоро при Республике каждый полководец мог иметь три когорты охраны (что тоже нуждается в доказательстве. — В. П.), то «Август, используя свой проконсульский статус, который распространялся на три провинции<sup>9</sup>, утроил число когорт преторианцев с трех до девяти» <sup>10</sup>.

Хорошо известно, что еще в Мугинской войне (43 г. до н. э.) каждый полководец, обладавший военным империем, имел, в полном соответствии с республиканскими порядками, по одной преторской когорте<sup>11</sup>. Но уже осенью следующего года ситуация резко изменилась: когда после второй битвы при

---

<sup>7</sup> Dio Cass. LI. 3. 1; Hygin. De lim. const. // SRF. Bd. I. S. 177. По мнению Г. Айгнера, именно обеспечение всех солдат землей позволило Октавиану остановить die sogenannte «Römische Revolution», так как прежде солдаты побежденной стороны становились мародерами и бандитами, готовыми за деньги служить кому угодно (Aigner H. Die Soldaten als Machtfaktor in der ausgehenden Römischen Republik. Innsbruck, 1974. S. 128 f.).

<sup>8</sup> Duggu M. Les cohortes prétoriennes. P., 1938. P. 77 suiv.

<sup>9</sup> Ср.: Jones A. H. M. Das Imperium des Augustus // Augustus. Hg. von Schmitthenner W. Darmstadt, 1969. S. 293.

<sup>10</sup> Ушаков Ю. А. Роль преторианской гвардии во внутривластической жизни Римского государства при первых императорах // Античная гражданская община. М., 1984. С. 118. Ср.: Ковалев С. И. История Рима. Л., 1986. С. 476. Прим. 7.

<sup>11</sup> Cic. Phil. VIII. 25; Ad fam. X. 30. 1. 4—5; App. В. с. III. 66—70.

Филиппах 8 тыс. ветеранов цезарианской армии выразили желание продолжить службу, то Антоний и Октавиан, распределив это количество воинов между собой, образовали из них преторианские когорты: *συνελοχίσαν ἐς στρατίδας ταξείας*<sup>12</sup>. Логично считать, что оба триумвира получили равное количество преторианцев и, если считать в каждой когорте по тысяче человек<sup>13</sup>, то Антоний и Октавиан имели теперь по четыре когорты личной гвардии, тогда как оставленный в Италии их коллега М. Эмилий Лепид продолжал сохранять одну. В 36 г. до н. э. на сторону Октавиана перешла армия Лепида, в том числе *cohors praetoria*, следовательно, число преторианских когорт в войске наследника Цезаря должно было возрасти до пяти. Имеется информация, подтверждающая такое предположение: в битве при Акции Октавиан располагал пятью преторианскими когортами (*Ogos. VI. 19.8*). Антоний, очевидно, продолжал сохранять четыре<sup>14</sup>, которые, будучи присоединены к пяти когортам Октавиана, завершили процесс формирования императорской гвардии.

На численность преторианской когорты времени Августа в источниках нет прямых указаний. Тацит (в повествовании о событиях 69 г.) и Дион Кассий указывают, правда, что *cohors praetoria* насчитывала 1000 человек, и это число принято авторитетными исследователями<sup>15</sup>. Однако М. Дюрри считает, что от Августа до Септимия Севера преторианская когорта состояла из 500 человек<sup>16</sup>. Свою точку зрения французский историк аргументирует следующим образом: сообщение Тацита «отражает необычное и скандальное положение дел»

<sup>12</sup> А р р. В. с. V. 3. 13. Видимо, с этого времени и следует говорить о преторианских когортах, чтобы подчеркнуть их принципиальное отличие от личной охраны полководца эпохи Республики. Значение этого события оценил уже Т. Моммзен: *Die Einrichtung der cohortes praetoriae in dem späteren Sinn gehört dem Triumvirat und dem J. 712 an...* (M o m m s e n Th. Die Gardetruppen der Römischen Republik und der Kaiserzeit // Hermes. 1879. Bd. 14. S. 30).

<sup>13</sup> Это число наиболее вероятно, хотя во время гражданской войны жесткого ограничения численности такой когорты, видимо, не было: при необходимости она могла насчитывать и две тыс. человек (А р р. В. с. IV. 115. 479).

<sup>14</sup> Его монеты с легендой [CO]NORTIUM PRAETORIARUM (S y d e n h a m E. A. The coinage of the Roman Republic L. 1952. No 1212) доказывают, что когорт, во всяком случае, было несколько. S. 30; Gardthausen V. Op. cit. S. 640; Passerini A. Le coorti pretorie. Roma, 1939. P. 60 seg.

<sup>16</sup> D u r r y M. Op. cit. P. 82 suiv.; Idem. Praetoriae cohortes // RE. 1954. Hbd. 44. Sp. 1613 f.

<sup>15</sup> T a c. Hist. 11. 93: 2; Dio Cass. LV. 24. 6; M o m m s e n Th. Op. cit.

во время гражданской войны, а Дион Кассий допускает анахронизм, перенося на принципат Августа положение дел, характерное для времени Септимия Севера. В подтверждение своего мнения Дюрри ссылается на Псевдо-Гигина. Однако назвать этот аргумент убедительным нельзя во-первых потому, что анонимный античный автор также не дает абсолютно бесспорных данных на этот счет, и, во-вторых, из-за сомнительности самого источника<sup>17</sup>. С другой стороны, едва ли допустимо отвергать достоверность информации Диона Кассия лишь на том основании, что он ошибочно указал на десять преторианских когорт Августа вместо девяти. Дело в том, что как раз к определению численности воинских подразделений времени Августа этот античный историк отнесся очень внимательно. Так, он указал, что точную численность телохранителей Августа и корпуса эвокатов ему, в отличие от преторианских и городских когорт, установить не удалось (Dio Cass. LV. 24. 7—8).

Очевидно, радикальность военных преобразований Августа заключалась не только в необходимых организационных изменениях: резкое сокращение численности вооруженных сил, упорядочение расходов на их содержание, введение гарантированного обеспечения ветеранов после отставки — все эти меры были естественны и не заключали в себе ничего принципиально нового. Самые глубокие перемены в сфере военной организации внешне выглядят малозаметными, поскольку они производились постепенно; но без их анализа невозможно понять и подлинную сущность принципата.

Цезарианская армия, победив в гражданских войнах, добилась выполнения своих основных требований: получила землю и деньги, был установлен оптимальный с ее точки зрения политический режим во главе с Октавианом, «сыном божественного Юлия», кумира легионов. Казалось, дальнейшая милитаризация Римского государства неизбежна. Однако наследник Цезаря избрал иной путь, который в отношении армии означал исключение ее из политической жизни и установление над ней абсолютного контроля императора как единственного руководителя. Определенную свободу действий после 30 г. до н. э. Октавиан получил потому, что армия была нейтрализована выполнением ее программ и, как выразился В. Шмитхен-

---

<sup>17</sup> Неизвестен подлинный автор этого трактата, сохранившегося в составе сочинений Гигина Громатика, ученого землемера времени первых Антонинов; по-разному (от начала II до конца III вв.) определяется и время создания интересующего нас произведения (Hygini qui dicitur. De metatione castrorum liber. Ed. Grillone A. Leipzig, 1977. P. VIII).

нер, «ее непосредственная политическая роль была пока что сыграна»<sup>18</sup>. Разумеется, это как нельзя лучше устраивало принципса, но он понимал, что подобное состояние было неустойчиво: достаточно какого-либо повода для недовольства, и армия могла вновь, как не раз бывало прежде, выйти из повиновения. Следовательно, необходимо было сделать ее исключение из сферы «большой политики» необратимым, сохранив в то же время войско в качестве своей важнейшей политической опоры — задача в известной степени противоречивая и сложная.

Этнический и социальный состав легионов Августа мало изменился по сравнению с последними десятилетиями Республики. Тогда армия рекрутировалась в основном из сельского плебса Италии — социальные последствия процесса концентрации италийской земельной собственности<sup>19</sup>. Даже обширные земельные конфискации триумвиров не смогли затормозить развитие в Италии крупного землевладения, а при Августе, отмечает Тибуллетти, аграрное движение прекратилось, сельское хозяйство стало развиваться без политического вмешательства извне, и, «как монархия явилась платой за мир, так и упадок крестьянства старой Республики был ценой, которую Италия заплатила за изобилие на своих полях»<sup>20</sup>. Однако слой мелких землевладельцев Италии был еще достаточно многочисленным, и объяснить прекращение борьбы за землю, вписавшей немало драматических страниц в историю поздней Республики, одним лишь «невмешательством» новой государственной власти в аграрные отношения невозможно. Конечно, часть разоренных крестьян не порывала с земледелием, некоторые оседали в Риме и в других городах Италии, но обеспечить средствами к жизни всех обездоленных земледельцев гражданское общест-

---

<sup>18</sup> Schmitthener W. Politik und Armee... S. 16.

<sup>19</sup> См.: Парфенов В. Н. Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории. Саратов, 1987. С. 58.

<sup>20</sup> Tibuletti G. Die Entwicklung des Latifundiums in Italien von der Zeit der Gracchen bis zum Beginn der Kaiserzeit // Zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der späten römischen Republik. Hg. von Schneider H. Darmstadt, 1976. S. 73 ff. Сходной точки зрения придерживается П. А. Брант: «Думается, что при принципате число мелких независимых фермеров продолжало уменьшаться. Мы не можем надеяться услышать многое об этом упадке: не было мятежных трибунов, которые могли бы быть выразителями их жалоб и, поскольку римские армии во все возрастающей степени набирались в провинциях, правительство имело мало причин заботиться о военных последствиях сокращения людских ресурсов Италии» (Brunt P. A. The Army and the Land in the Roman Revolution // JRS. 1962. Vol. 52. P. 83 f.).

во было явно не в состоянии<sup>21</sup>. Представляется очевидным, что эту задачу принцепсы предоставили решать армии. Исследователи римской истории достаточно давно пришли к заключению, что легионы ранней Империи комплектовались по преимуществу из италиков<sup>22</sup>. Документально доказано, что в первые десятилетия I в. италики составляли около 65% всех легионеров<sup>23</sup>. Если учесть, что постепенно этот процент сокращался — место италийских уроженцев занимали провинциалы, — то можно уверенно предположить, что при Августе доля италиков должна была превышать эти 65%. Новобранцы происходили главным образом из Цизальпинской Галлии, где свободное крестьянство еще в I в. было достаточно многочисленным<sup>24</sup>. Отслужив положенный срок, эти солдаты должны были получить положенное вознаграждение, прежде всего земельные наделы. Естественным было их желание обзавестись хозяйством на родине, но свободной земли в Италии не было. Что Август стоял здесь перед серьезной проблемой (как и в бытность свою триумвиром), показывает тот факт, что в 13 г. до н. э., когда, кажется, впервые после окончания гражданских войн возникла необходимость обеспечить необычно большое количество вете-

---

<sup>21</sup> В. И. Кузищин отметил, что «разорение свободного крестьянства и его численное сокращение в I в. н. э. до известной степени (разрядка наша — В. П.) компенсировалось ростом прослойки арендаторов...» (Кузищин В. И. Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э. — I в. н. э. М., 1973. С. 21).

<sup>22</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 14. С. 360; Кулаковский Ю. Римское государство и его армия в их взаимоотношении и историческом развитии. Спб., 1909. С. 13. Gardthausen V. Op. cit. S. 635.

<sup>23</sup> Forni G. Il reclutamento delle legioni da Augusto a Diocleziano. Milano; Roma, 1953. P. 157—212 (Appendix B). С выводами Форни согласны Г. Уэбстер и И. Гарлан (Webster G. The Roman Imperial Army of the first and second centuries A. D. L., 1969. P. 107 ff.; Garland Y. La guerre dans l'antiquité. P. 1972. P. 78).

<sup>24</sup> Уже Г. Дессау, несомненно, основываясь на своем превосходном владении эпиграфическим материалом, утверждал, что при Августе и его ближайших преемниках легионы Запада формировались главным образом из уроженцев Цизальпинской Галлии (Dessau H. Geschichte der römischen Kaiserzeit. B., 1924. Bd. I. S. 225 f.). Дж. Фorni специально занимался проблемой происхождения легионеров и выяснил, что при Августе, Тиберии и Калигуле италики набирались в легионы в Кампании, Этрурии и, главным образом, в различных областях Цизальпинской Галлии (Forni G. Estrazione etnica e sociale dei soldati delle legioni nei primi tre secoli dell'impero // ANRW. Tl. II. Bd. 1. P. 366 seg.).

ранов<sup>25</sup>, он попытался ввести денежные награды «взамен земли, которой они всегда добивались» — *anti tēs xōras tē aiote tōv* (Dio Cass. LIV.25.5). Хотя это нововведение и обеспечило императору большую свободу маневрирования — после 13 г. до н. э. интенсивность военной колонизации резко ослабевает<sup>26</sup> — полная замена земли деньгами оказалась невозможной, и уже мятежники 14 г. требовали вернуться к практике выдачи денежных вознаграждений вместо земли (Тас. Апп. I. 17.5)<sup>27</sup>. Очевидно, дело здесь не только в хронической нехватке денег для расплаты с ветеранами: получая землю в провинциях, они становились важной частью социальной базы режима<sup>28</sup>. Если учесть, что легионы комплектовались главным образом из добровольцев<sup>29</sup>, а таковыми были прежде всего

<sup>25</sup> По мнению Ф. Райта, изменения в военном уставе были приурочены ко времени, когда воины, набранные после победы над Антонием, отслужили по 16 лет (Wright F. Marcus Agrippa. Organizer of Victory. L., 1937. P. 173). Шестнадцатилетний срок службы для легионеров был избран, видимо, потому, что при Республике граждани считался выполнившим свой воинский долг, если он участвовал в шестнадцати походах (см.: Webster G. Op. cit. P. 43).

<sup>26</sup> См.: Vittinghoff F. Römische Kolonisation und Bürgerrechtspolitik unter Caesar und Augustus. Wiesbaden, 1951. S. 98; Watson G. R. Discharge and resettlement in the Roman Army: The praemia militiae // NBGAW. P. 149.

<sup>27</sup> Это объясняется тем, что наделы ветеранам стали давать отнюдь не лучшего качества и на далекой периферии (Тас. Апп. I. 17. 3). Эти места, по справедливому замечанию Дж. Р. Уотсона, жителю Средиземноморья действительно должны были казаться краем земли (Watson G. R. Op. cit. P. 153. Note 6).

<sup>28</sup> Обычно считается, что ветераны пополняли ряды местной муниципальной знати (Штаерман Е. М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи (Италия и Западные провинции). М., 1961. С. 235 сл. Ее же: Кризис античной культуры. М., 1975. С. 33 сл.; Древний Рим: проблемы экономического развития М., 1978. С. 206; Dieter H., Günther R. Römische Geschichte bis 476. В., 1979. S. 222). Недавно предложено следующее уточнение: ветераны, как можно видеть на примере придунайских провинций, становились не только и не столько муниципальной знатью, сколько мелкими и средними землевладельцами (Мартемьянов А. П. Ветераны римской армии в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э. // X авторско-читательская конференция ВДИ АН СССР. Тез. докл. М., 1987. С. 133). Кстати, еще М. И. Ростовцев полагал, что в муниципальную аристократию из ветеранов попадали в первую очередь бывшие центурионы (Ростовцев М. Август // НЭС. Спб., б. г. Стб. 160). Однако бесспорно, что вообще ветераны в ранней Империи находились в особо привилегированном положении (Колосовская Ю. К. К вопросу о социальной структуре римского общества I—III вв. н. э. (Collegia veteranorum) // ВДИ. 1969. № 4. С. 123).

<sup>29</sup> Формально всеобщая воинская повинность для граждан продолжала существовать, но на практике к ней прибегали крайне редко (см.: Gardthausen V. Op. cit. S. 632 f., 641).



малоимущие и неимущие<sup>30</sup>, т. е. потенциально взрывоопасный социальный слой, то понятно, насколько важную роль играла армия, превращая этих людей в массовую опору принципата. Думается, что именно постоянный отток сельского плебса в легионы и был наиболее существенной причиной прекращения борьбы италийского крестьянства за землю в эпоху Империи.

Политика Августа по отношению к вооруженным силам Рима (особенно легионам) могла принести успех лишь в том случае, если вся армия вплоть до последнего солдата, безразлично, находящегося в строю или отставного, ощущала свою неразрывную связь с принцепсом. Сыгравшие столь важную роль в социально-политической борьбе последнего века Республики отношения военной клиентелы продолжали действовать, но теперь единственным патроном солдат мог быть только император. Л. Виккерт обратил внимание на то, что, если в 17 г. до н. э. в официальном документе еще шла речь о *legiones populi Romani*, правда уже отдельно от собственно *populus Romanus Quiritium* (Dess. 5050), то в конце своего правления Август не менее официально говорит уже об *exercitus meus, classis mea* (RgdA. 15. 26.30)<sup>31</sup>. В том же направлении эволюционировал традиционный институт военных полномочий. Если в период второго триумvirата, как показал Л. Шумахер, легаты триумвиров, подобно полководцам времени Республики, обладали всей полнотой военной власти, т. е. действовали под своими ауспигиями и в случае императорской аккламации имели право на триумф, то в начале принципата Августа такой порядок сохранился лишь для наместников «сенатских» провинций, тогда как легаты самого императора уже вели военные кампании под ауспигиями принцепса, не имея права ни на аккламацию, ни на триумф. Однако к концу правления Августа и проконсулы «сенатских» про-

---

<sup>30</sup> М. И. Ростовцев полагал, что «армия Августа больше не была армией пролетариен» и комплектовалась из представителей имущих слоев италийского и провинциального населения; правда, он оговаривается, что «все суждения об армии августовского периода предположительны», особенно в отношении ее социального состава (Rostovtzeff M. Op. cit. P. 42 f., 499 f., note 2). Но это мнение маститого ученого источниками не подтверждается, напротив, Тацит устами императора Тиберия констатирует, что «добровольно избирают воинскую службу большей частью неимущие и бездомные» (*plerumque inopes ac vagi militiam sumant*. Tac. Ann. IV. 4. 2).

<sup>31</sup> Wickert L. *Der Prinzipat und die Freiheit // Prinzipat und Freiheit*. Darmstadt, 1969. S. 117 ff.

винций, формально еще обладавшие империем и ауспигиями, практически утрачивают право на аккламацию и триумф<sup>32</sup>.

Примечательную эволюцию при Августе пережил культ Юлия Цезаря, который был важной составной частью идеологии цезарианской армии в 44—30 гг. до н. э.<sup>33</sup> В те годы Октавиан, «сын божественного Юлия» и неутомимый мститель за его смерть, умело спекулируя на этом, приобрел огромный политический капитал. Но с наступлением мирного времени в политике и идеологии многое переменилось. Исключения не составил и культ Цезаря. Отношению Августа к Юлию Цезарю посвятил специальное исследование Э. С. Рэмидж, сделавший ряд интересных наблюдений<sup>34</sup>. Так, он подсчитал, что в «*Res gestae...*» Цезарь упоминается всего шесть раз<sup>35</sup>, и, если судить лишь по этому источнику, Цезарь всего только и сделал в жизни, что занимал должность великого понтифика, начал строительство нескольких сооружений и, наконец, был убит и обожествлен. В «Энеиде», констатирует Рэмидж, Цезарь отсутствует среди изображенных на шите Энея персонажей римской истории (VIII. 626—731), нет его и в перечне римских героев у Проперция (III. 11. 61—68), а в «Метаморфозах» Овидия (XV. 745—870) выделена лишь роль Цезаря как божественного отца Августа. Напрашивается вывод, что Август старательно отмежевывался от реального Цезаря и его политики, оставив от покойного диктатора лишь его «божественность». Рэмидж усматривает в этом стремление первого принцепса подчеркнуть различие между его собственным политическим курсом и «тираническим» поведением Юлия Цезаря. Подобное объяснение, видимо, правильно, но неполно: американский исследователь не учитывает исключительную популярность Цезаря в армии и до и после его трагической гибели. Но с окончанием гражданских войн почти чисто военный по характеру культ Цезаря был в своем персона-

<sup>32</sup> Schumacher L. Die imperatorische Akklamationen der Triumvirn und die auspicia des Augustus // *Historia*. 1985. Bd. 34. H. 2. S. 191—222; S. 191—222; Vgl.: Rosenberg. *Imperator* // *RE*. Hbd. 17. Sp. 1147.

<sup>33</sup> См.: Утченко С. Л. Юлий Цезарь. М., 1984. С. 300 сл.; Gesche H. Die Vergottung Caesars. Kallmünz, 1968. S. 89 ff.; Weinstock S. *Divus Iulius*. Oxf., 1971. P. 364 ff.; Alföldi A. La divinisation de César dans la politique d'Antoine et d'Octavien entre 44 et 40 avant J. C. *RN*. VI s. 1973. T. XV. P. 99—128.

<sup>34</sup> Ramage E. S. Augustus' Treatment of Julius Caesar // *Historia*. 1985. Bd. 34. H. 2. P. 223—245.

<sup>35</sup> Заметим, кстати, что Август избегает называть его по имени, ставя тем самым «божественного Юлия» на одну доску со своими врагами Брутом, Кассием, Секстом Помпеем, Лепидом и Антонием.

чальном виде неприемлем: он мог вызывать у армии нежелательные воспоминания о времени ее фактического всевластия, о том, кому и чему обязан своим единодержавием Август и т. п., о чем теперь, с точки зрения императора, было уместно забыть<sup>36</sup>. После Августа к образу Цезаря-полководца обращались лишь в критических ситуациях — когда требовалось обеспечить лояльность легионов (см.: Tac. Ann. I. 42. 3; Suet. Vitell. 8).

Подобную же эволюцию испытал и культ Марса Мстителя — божества, популярного среди солдат цезарианской армии и связанного именно с отмщением за убийство Цезаря: Октавиан дал обет построить храм Марса Мстителя, когда в 42 г. до н. э. триумвiry вели войну против республиканцев<sup>37</sup>. Затем функции Марса Мстителя изменились — он превратился в мстителя внешним врагам Рима. Так, именно в этом храме были помещены возвращенные парфянами римские боевые знамена<sup>38</sup>. Когда уже при Тиберии Марса Мстителя попытались рассматривать в прежнем значении (как мстителя за смерть Германика), то этому воспрепятствовал сам принцепс: *prohibuit, ob externas ea victorias sacrari dicitans, domestica mala tristitia operienda* (Tac. Ann. III. 18.2). Такая позиция Тиберия показывает, что, как и в случае с культом Цезаря, эволюция культа Марса Мстителя отнюдь не была случайной и являлась частью общей политики по отношению к армии, проводимой как Августом, так и его преемником.

В заключение целесообразно задаться вопросом, действительно ли Августу удалось превратить армию в «бессловесное орудие политики, находящееся под полным контролем принцепса»<sup>39</sup>?

Характеризуя военный мятеж 14 г., Ф. Энгельс пронизательно заметил, что в нем «обнаруживается крепкая сплоченность войска, по отношению к которому вождь нарушил свое слово»<sup>40</sup>. Действительно, после гражданских войн отношения армии и лидера, которого она привела к власти, базировались на своего рода взаимной договоренности. Достаточ-

<sup>36</sup> Хорошо известен весьма характерный для политики Августа факт — отмена им введенного Цезарем обращения к армии: «*Commilitones!*», замененного более нейтральным: «*Milites!*» (Suet. Aug. 25. Comp.: Suet. Jul. 67).

<sup>37</sup> Ovid. Fast. V. 569—578; Suet. Aug. 29.

<sup>38</sup> RgdA 29; Ovid. Fast. V. 579—594.

<sup>39</sup> Егоров А. Б. Указ. соч. С. 119. Ср.: Rink В. *Exercitus Romanus — die schlagkräftigste Armee ihrer Zeit // Altertum*. 1986. Bd. 32. H. 3. S. 150.

<sup>40</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 466.

но выгодные условия службы, гарантированное обеспечение ветеранов после отставки и их привилегированное положение, личная связь каждого военнослужащего с императором как клиента с патроном — все это в сочетании с огромным личным авторитетом Августа<sup>41</sup> обеспечило в армии «глубоко укоренившуюся любовь к Цезарям» (*penitus infixus in Caesares amor*. — *Tac. Ann. II. 76. 3*). Однако процесс встраивания армии в государственный механизм императорского Рима был сложным и порой болезненным. Есть основания считать, что мятеж 14 г. был отнюдь не первым проявлением ее недовольства<sup>42</sup>. О том, что обоснованную тревогу нового принцепса вызывало настроение военных вообще, свидетельствует распространение Тиберием уступок, сделанных германским легионам, на легионы Паннонии, либо даже на все остальные<sup>43</sup>.

Таким образом, задуманная Августом роль армии в системе принципата выдерживалась, да и то с трудом, лишь при жизни самого Августа. Сразу же после его кончины армия весомо заявила о своих претензиях, в том числе, как правильно отметил В. Шмитхеннер, и политических<sup>44</sup>. Тем не менее Тиберий, поначалу пойдя на временные уступки тактического характера, продолжил политику предшественника в отношении легионов<sup>45</sup>.

<sup>41</sup> М. И. Ростовцев справедливо указывает на то, что Август был окружен полурелигиозным ореолом спасителя всего римского мира от ужасов гражданских войн (Ростовцев М. Рождение Римской империи. Пг., 1918. С. 120 сл. *Rostovtzeff M. Op. cit. P. 43*).

<sup>42</sup> На такую мысль наталкивает фраза Тацита о том, что «прежде (при жизни Августа — В. П.) Тиберий обычно отклонял просьбы легионов, ссылаясь на Августа» (*Tac. Ann. I. 26. 2*). Дион Кассий приводит в качестве основной причины установления в 5 г. н. э. точной суммы денежного вознаграждения ветеранам то, что «воины были сильно раздражены малым размером наград, выданных им за войны, которые велись в это время, и никто из них не соглашался носить оружие по истечении установленного срока их службы» (*Dio Cass. LV. 23. 1*).

<sup>43</sup> Из «Анналов» Тацита не вполне ясно, как обстояло дело: ср. *I. 52. 3* и *I. 78. 2*.

<sup>44</sup> *Schmitthenner W. Politik und Armee... S. 17*.

<sup>45</sup> Август предвидел опасность усиления внутривластного веса армии в результате внешних войн, это было одной из причин его совета на будущее: *coercendi intra terminos imperii* (*Tac. Ann. I. 11. 4*). Верность этой рекомендации убедительно подтвердил мятеж легионов, оказавший сильное воздействие на политическую атмосферу, в которой начинался принципат Тиберия, и на поведение самого императора (см.: *Schmitt H. N. Der pannonische Aufstand des Jahres 14 n. Chr. und der Regierungsantritt des Tiberius // Historia. 1958. Bd. 7. N. 3. E. 378—387*). Отсюда и утвердившийся при Тиберии принцип внешней политики: «Не прибегать к оружию» (*arma procul habere*. — *Tac. Ann. VI. 32. 1*).